

745.17
0-63

Отдѣльный оттискъ изъ Христіанскаго Востока.
Томъ V, выпускъ I.

С. П. Григорова
ИЗ КНИГ
С. П. Григорова

I. ОРВЕЛИ.

ДВА СЕРЕБРЯНЫХЪ КОВША XVI ВѢКА

СЪ АРМЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСЯМИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1916.

745.17
D-63

745
063

Два серебряныхъ ковша XVI вѣка съ армянской и греческой надписями.

Докладъ, читанный 25 апрѣля 1913 г. въ Восточномъ Отдѣленіи Имп. Русск. Арх. Общ.

I.

Въ мартѣ 1913 года Н. Н. Пальмовъ прислалъ изъ Кіева въ редакцію «Христіанскаго Востока» фотографіи серебрянаго ковша, принадлежащаго неизвѣстному частному лицу, съ просьбой прочесть имѣющіяся на ковшѣ армянскія надписи. Получивъ согласіе владѣльца на изданіе надписи и фотографій ковша, Н. Я. Марръ передалъ снимки для разбора мнѣ.

Ковшъ, изображенный на этихъ фотографіяхъ (табл. I, II), обычной для русскихъ¹⁾ ковшей формы: круглая, точнѣе — нѣсколько овальная, чаша съ плоской ручкой, сначала поднимающейся вверхъ въ видѣ продолженія стѣнки, а затѣмъ горизонтально загнутой; на сторонѣ, противоположной ручкѣ, края ковша поднимаются вверхъ въ видѣ остраго мыска.

Вся чаша, кромѣ верхняго борта, украшена рельефными ложками, направляющимися отъ окружности ко дну не по прямой линіи, а съ сильнымъ изгибомъ. Внизу ложки утоньшаются и сглаживаются, вверху сильно углубляются; дно снаружи гладкое. Промежутки между краями ложекъ вверху, имѣющіе приблизительно форму треугольниковъ, заполнены рельефными (въ толщину листа) изогнутыми растительными побѣгами. По верхнему краю ковша снаружи идетъ лента бортика, на которомъ читается армянская надпись. Обращенная наружу сторона ручки прерываетъ надпись довольно красивымъ сложнымъ листомъ, имѣющимъ въ серединѣ и по сторонамъ растительные побѣги; небольшой простой листикъ украшаетъ противоположную сторону ковша. По верхнему краю стѣнокъ ковша на ребрѣ — плетеный жгутъ изъ трехъ двойныхъ лентъ. На верхней горизонтальной поверхности ручки также читается армянская надпись. Нѣсколько армянскихъ буквъ вырѣзано на нижней поверхности того же загиба.

1) Ср. также два ковша, серебряный и золотой, изъ кургановъ близъ ст. Бѣлорѣченской Я. И. Смирновъ, Восточное серебро, 266, 267; ОИАК, 1895, стр. 31, 33).

Христіанскій Востокъ.

ПРОВЕРЕНО

07 ДЕК 2003

Надписи, идущая по борту и находящаяся на верхней части ручки, по формѣ буквъ и по манерѣ и технике рѣзбы должны быть связаны между собою. Буквы рельефны (въ толщину листа) и расположены на углубленномъ фонѣ съ сѣтчатой нарѣзкой. Округлыя части буквъ, напр., *п, ц, в, и, ъ*, угловаты, что нисколько ихъ не безобразитъ и не дѣлаетъ тяжелыми, а даже украшаетъ. Отходящіе хвосты буквъ, напр., *ц, и, в, ч.*, имѣютъ видъ растительнаго побѣга¹⁾). Въ этихъ двухъ надписяхъ довольно много лигатуръ, но всё онѣ обычной группировки; два слова сокращены подъ титломъ.

Надпись на ободкѣ ковша идетъ въ одну строку, начинаясь у листика, на сторонѣ, противоположной ручкѣ; въ концѣ первой строки печатаемаго ниже текста надписи приходится листъ, украшающій ручку ковша.

ԻՍՍ.ՅԷԳԱԹԳԻՆՈՎԻԼԻՆՍ.ԶԼԱՁՈՎՆՅԻՆ:ԻՎԱՅԵԼՈՒՄՆ
 ՀԱՐՈՀՍԱՆԷՍԻՆ.ԵՒՅԻՈՒՐՈՐԳՈՅՆ.ԻՆԵՆՔԵՂԱՔԱԵՆԵՔԻՆ

Надпись составлена въ стихотворномъ размѣрѣ, очень распространенномъ въ позднихъ армянскихъ надписяхъ, и разбивается на четыре стиха; три слова въ третьемъ стихѣ не укладываются въ размѣръ и не риѣмуютъ; точки, которыми выдѣлены эти три слова, вѣроятно, имѣютъ значеніе скобокъ.

ԻՍՍ.Յ Է ԳԱԹԱԹ ԳԻՆՈՎ ԻԼԻՆ
 ԱՐԶՆԵՍԱ ԱՁՈՎՆ ՅԻՍՈՒՄՆ:
 Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ ՀԱՐ ԱՀԱՆԷՍԻՆ. ԵՒ ՅԻՈՒՐ ՈՐԳՈՅՆ.
 ԽՄԵՆՔ ԵՂԱՔԱՔ ԱՄԵՆԵՔԻՆ:

Это—чаша, полная вина; благословенная десницей Иисуса. Во здравіе²⁾ отца Иоанна и его сына вытъемъ, братья, все.

1) Къ надписи на ковшѣ весьма близка по очертаніямъ буквъ вырѣзанная на деревянной доскѣ надпись 1532 г. въ сѣв. притворѣ церкви св. Сергія въ Θεοδοσίи. Растительная форма хвостиковъ буквъ встрѣчается и въ значительно болѣе древнихъ памятникахъ напр., въ двухъ анійскихъ рельефныхъ надписяхъ XIII в. съ алтарныхъ возвышеній, обнаруженныхъ раскопками 1892 и 1909 г. Фотографія одного камня изъ послѣдней надписи издана еп. Гарегиномъ (Овсепяномъ) въ его Атласѣ (*Քարակէջ հայ հնագրութեան*, Ваг. 1913, табл. 44); первая изъ упомянутыхъ надписей видна на фотографіи внутренности стараго Анійскаго музея (см. Н. Я. Марръ, ТР, X, табл. XVII); кусочекъ такой же надписи изданъ Н. Я. Марромъ въ ЗВО, VIII, стр. 77. Образцами расцвѣтшихъ буквъ могутъ служить буквы надписи XIV в. князя князей Буртелеа въ Амагу (*Քարակէջ Կ.Ն.*, табл. 44).

2) Выраженіе *Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ*, буквально означающее *на пользование, въ пользованіе*, въ надписяхъ обыкновенно указываетъ на принадлежность предмета какому либо лицу; такимъ образомъ, четвертый стихъ нашей надписи долженъ былъ бы только опредѣлять личность владѣльца ковша, но послѣдующая фраза располагаетъ къ пониманію словъ *Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ* именно въ указанномъ въ переводѣ надписи смыслѣ, болѣе соответствующемъ общему характеру надписи.

На верхней части ручки чаши помѣщена дата: $\overline{\text{ԹՂ}}$.

Въ раскрытомъ видѣ дата читается: ԹՎ ՌԾՆ ՋԴԸ : *Лѣта 998.*

На нижней поверхности ручки ковша имѣется еще одна надпись строчными вѣзанными прямыми буквами; впрочемъ, послѣдняя буква близка къ инициальному начертанію. Надпись читается:

$\overline{\text{ԿՐ}}$
 $\overline{\text{ՎՐԴ}}$

Представляется нѣсколько возможныхъ чтеній этихъ двухъ словъ. Первое слово, $\overline{\text{ԿՐ}}$, можно читать Կարոն *паронъ*, *господинъ* или Պետրոս *Петръ*. Второе, $\overline{\text{ՎՐԴ}}$, можно читать или Վարդան *Варданъ* или Վարդապետ , послѣднее едва-ли въ значеніи: *варданетъ*, *doctor*, а скорѣе *мастеръ*, въ каковомъ значеніи это слово имѣемъ не только въ древнихъ памятникахъ, но и въ весьма позднихъ¹⁾; то же слово имѣемъ въ современномъ Վարպետ *мастеръ*²⁾. Такимъ образомъ, эти два слова могутъ читаться или Կարոն Վարդան *паронъ (господинъ) Варданъ*, или Պետրոս Վարդանէան *Петръ Варданянъ*, или $\text{Պետրոս Վարդապետ արժանէան}$ *Петръ, мастеръ Петръ*. Конечно, послѣднее чтеніе, наименѣе вѣроятное по формѣ, наиболѣе соблазнительно по своей опредѣленности; противъ признанія въ этихъ словахъ имени мастера могли бы говорить небрежность и несовершенство вырѣза буквъ, да и вообще весь характеръ этой надписи, хотя она и вырѣзана на приготовленномъ мѣстѣ, вродѣ щитка, на фонѣ усыпанной углубленными точками ручки.

Внутри ковшъ украшенъ прикрѣпленной ко дну плоской бляшкой (табл. III), окруженной жгутикомъ и вырѣзными фестонами, съ грубоватымъ пояснымъ изображеніемъ мужской фигуры въ облаченіи, въ оранѣ и въ тіарѣ, съ нимбомъ; правая рука благословляетъ, лѣвая держитъ книгу и посохъ. По сторонамъ фигуры помѣщается рельефная инициальная надпись:

$\overline{\text{ՄԲ}}$	ՀՈ
ԳՐԻ	ԻՍՍ
ԳՈ	ԻՈ
Ը	ՐԻ

1) Напр., въ записи битлисца махтеси Шахмурада о его пребываніи въ Версали въ 1683 г. Издана въ журналѣ *Արարատ* (еженедѣльникъ, издававшійся въ Тифлисѣ), окт. 1850 г., стр. 99.

2) Վարպետ изъ Վարդապետ , быть можетъ черезъ Վարդապետ , каковую форму встрѣчаемъ въ надписи Саамадина о построеніи дворца въ Мренѣ въ 1276 г.; см. Н. Марръ, *Нов. матер. по арм. эпигр.* (ЗВО, VII), стр. 83; I. Орбели, *Надписи Мрена* (ПАЭ, II), надп. 1.

ԱՅԻՐ ԳՐԻԳՐ ԸՆԾԵՆԻՐԵՂԻ: Սօր Գրիգորի Սրբազանը:

Несомненно, эта бляшка не современна ковшу и прикреплена была къ нему, когда ковшъ уже былъ готовъ, быть можетъ спустя много времени послѣ его изготовленія; непригодность бляшки къ занимаемому ею мѣсту, грубыя заклепки, которыми она прикреплена, значительная грубость работы по сравненію съ ковшомъ, форма буквъ, существенно отличающихся отъ буквъ главной надписи, идущей по борту ковша, подтверждаютъ это. Вѣроятно, эта бляшка, по справедливому предположенію Н. Н. Пальмова, представляетъ половину нагрудной пряжки отъ фелони или ризы.

Время изготовленія ковша точно опредѣляется приведенной выше датой — 998 г. арм. эры, т. е. 1549 г. по Р. X. Что же до мѣста изготовленія ковша, то ни его общій видъ, ни детали его отдѣлки не даютъ основанія для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса; впрочемъ, ковшъ по формѣ тяготеетъ, какъ было указано, къ аналогичнымъ русскимъ памятникамъ. Рѣшенію вопроса можетъ помочь лингвистическій матеріалъ, которымъ мы тутъ располагаемъ, — языкъ надписи, представляющей, несмотря на ея краткость, значительный интересъ для армянской діалектологіи.

Въ надписи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія необычныя формы: ԻՍՅՅ *этотъ*, ԻԸԻՆ *полный*, ՀԱՐ ՈՂԱԿԵՐԻՆ *отца Иоанна*, ՅՐՈՐԵՍ *его, своего*. Большой интересъ могло бы представить прочитанное мною въ литературной формѣ слово ՍՄՀԵՍԱ, столь типичное въ его разновидностяхъ для различныхъ армянскихъ нарѣчій, но оно, къ сожалѣнію, написано сокращенно, подъ титломъ.

Народная форма имени *Иоаннъ* ՈՂԱԿԵՐՍ вм. литературнаго ՅՈՒՀԱՆՆԵՍԻ сама по себѣ не можетъ намъ дать ничего, такъ какъ она не типична и встрѣчается въ цѣломъ рядѣ армянскихъ говоровъ.

Слово ՅՐՈՐԵՍ, несомненно звучавшее въ устахъ автора надписи ՏՐԻԳՐԻԳՐԻՆԻՆԻ или, что болѣе вѣроятно, ՏՐԻԳՐԻՆԻՆԻ, могло бы представить цѣнную данную, если бы можно было утверждать, что начальнй Տ Տ принадлежитъ къ составу мѣстоименія, а не является предлогомъ, соответствующимъ предлогу *h*, стоящему въ началѣ этого стиха¹⁾. Что же до мѣстоименія *իւր*, то тутъ мы, безспорно, имѣемъ случай простой безграмотности, явленіе орфографическое, а не языковое; единственное, на чемъ можно было бы настаивать — что авторъ надписи или мастеръ произносилъ это мѣстоименіе не *йг* или *иг*, какъ это имѣемъ въ нѣкоторыхъ нарѣчійхъ, а *уиг*, какъ въ литера-

1) Мнѣ кажется, это мѣсто надписи надо понимать такъ: ՏՐԻԳՐԻՆԻՆԻ ՏՐԻ ՈՂԱԿԵՐԻՆԻ ԻՍՅՅ Ի ՍՄՀԵՍԱՆԻ ԻՐԵ ՍՐԳՅՆԻ

турномъ языкѣ; иное чтеніе слова *huc-r*, мнѣ кажется, невозможно: произношеніе его: *huc* не могло бы быть оправдано никакой діалектической формой этого мѣстоименія.

Такимъ образомъ, для опредѣленія нарѣчія, на которомъ составлена наша надпись мы располагаемъ только тремя надежными формами: *huc* isa, *huc* in и *huc* nar. При малой изученности армянскихъ говоровъ и даже нарѣчій, быть можетъ, рискованно указывать опредѣленно одинъ діалектъ, которому могутъ принадлежать указанные слова, но, мнѣ кажется, данныя языка надписи подтверждаютъ то, что подсказываетъ форма ковша: единственное нарѣчіе, въ которомъ возможны и сосуществуютъ всѣ три наличныя въ надписи діалектическія формы — нарѣчіе польскихъ и крымскихъ (и нахичеванскихъ) армянъ¹⁾.

Составляющее особенность первыхъ двухъ формъ, isa и in, появленіе (или сохраненіе) гласнаго *i* (имѣющаго въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ особое объясненіе) въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, даже тамъ, гдѣ это не вызывается стеченіемъ согласныхъ и не можетъ быть объяснено исторіей слова, наблюдается въ армянскомъ вообще довольно рѣдко; въ крымскомъ и польскомъ говорахъ оно весьма распространено. Эти же самыя слова у крымскихъ армянъ звучатъ *huc* isa *этотъ*, *huc* in *полный*, *huc* nar *полный до краевъ*²⁾. Въ матеріалахъ по польско-армянскому Napusz'a³⁾ этихъ именно словъ не встрѣчаемъ⁴⁾, но зато имѣемъ совершенно аналогичныя *ihon* *тамъ*, *ihos* *тутъ*, *ikalü* *приходитъ*, *ihax* *полякъ*, *ihov* *Львовъ*⁵⁾. Слово *huc* in встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ южныхъ говорахъ, напр. въ битлисскомъ⁶⁾, но указательныя мѣстоименія въ этихъ говорахъ, въ случаяхъ приращенія гласной, звучатъ не съ

1) Намѣчающіеся языковые факты съ достаточной убѣдительностью говорятъ за признаніе если не тождества, то ближайшаго родства говоровъ крымскихъ и польскихъ армянъ.

2) Форма *ihon* (разумѣется, — турецкое образованіе отъ армянской основы) подтверждаетъ распространенность формы *in* и не случайность начального *i*: если бы тутъ имѣлась форма *in*, то усилительное турецкое образованіе отъ нея звучало бы *ihon*.

3) Dr. Jan Napusz, O języku Ormian polskich (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XI, Краковъ, 1886). Въ цитатахъ изъ статьи Napusz'a сохранена его транскрипція.

4) У Napusz'a указанъ лишь глаголъ *ihpehü* (s. v.).

5) Napusz, s. vv.

6) См., напр., въ упоминавшейся выше записи Шахмурада, стр. 99, *huc* in. Аналогичная форма для начала XV вѣка засвидѣтельствована и въ указанномъ мнѣ Н. Я. Марромъ стихотвореніи Нагаша выраженіемъ *huc* in *huc* in *huc* in (см. К. Костанянцъ, *Ukrainy*, *huc* in *huc* in *huc* in, Вагарш., 1898, стр. 36; издатель совершенно напрасно даетъ чтеніе *huc* in).

h в началѣ, а съ r или t: ruw əsa, ruw əta, tuw eta; мѣстоименія ruw isa, ruw ina имѣемъ въ киликійскомъ нарѣчїи¹⁾.

Наиболѣе характерное изъ трехъ интересующихъ насъ словъ — ζαρ har отецъ. Переходъ дифтонга aj въ a (или соотвѣтствіе a дифтонгу aj) наблюдается съ полной выдержанностью лишь въ группѣ польскаго и крымскаго говоровъ. Въ польско-армянскомъ имѣемъ такія формы, какъ adz коза, sap звукъ, gadz искра, gadzàg молнія, kał волкъ, řan широкій, řhad дерево, mar мать, marabetkà монахиня, astvadzamàr Богоматерь и har отецъ²⁾. Съ такой же яркостью это явленіе наблюдается въ говорѣ крымскихъ армянъ. Аналогичное явленіе встрѣчаемъ и въ карабахскомъ нарѣчїи, въ которомъ, однако, невозможна форма ruw řn.

Хотя замѣна дифтонга aj если не звукомъ a, то ä и наблюдается въ нѣкоторыхъ другихъ (южныхъ) нарѣчїяхъ, слово ζαρ har тяготеетъ, несомнѣнно, именно къ указанной крымско-польской діалектической группѣ: сохраненный въ началѣ слова звукъ ζ h не позволяетъ отнести слово къ составу южныхъ нарѣчїй, гдѣ вмѣсто этого ζ h имѣемъ всегда ru q³⁾; къ тому же во всѣхъ этихъ нарѣчїяхъ такія слова, какъ ζур řajr, řур řajr, řур řajl гуръ звучатъ не съ a, а съ e: ru řer řer, řur řer, ru řel; въ киликійскомъ, прекрасно сохранившемъ дифтонгъ aj форма har невозможна.

Если правильно утвержденіе, что надпись на ковшѣ составлена на польско-крымскомъ нарѣчїи, въ пользу признанія за нашимъ ковшомъ польско-армянскаго, а не крымскаго, происхожденія можно привести нѣкоторыя историческія данныя, позволяющія намѣтить болѣе точно мѣсто изготовленія ковша.

Въ 1912 г. во Львовѣ вышло въ высшей степени интересное и цѣнное для насъ изслѣдованіе В. Лозиньскаго, представляющее очеркъ развитія золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерства въ Польшѣ и специально во Львовѣ въ XIV—XVIII вв.⁴⁾ Изслѣдованіе основано какъ на вещественныхъ памят-

1) См. Karst, Hist. Gramm. d. Kilikisch-Armen., стр. 241.

2) Napusz, s. vv. Форма řajragàn материнскій не нарушаетъ выдержанности указанного перехода, т. к. это слово въ данномъ случаѣ явно литературнаго происхожденія.

3) Эта данная, конечно, сама по себѣ, безъ послѣдующей посылки, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ, очевидно, нашу надпись нельзя разсматривать какъ точную фонетическую запись, и наличіе ζ h можно объяснить и вѣрностью грамматически-правильному литературному написанію.

4) Такъ напр., въ мекескомъ řur řn, řur řat мать.

5) Władysław Łoziński, Złotnictwo lwowskie (Biblioteka Lwowska, XV—XVII, Львовъ, 1911-12). Пользуюсь случаемъ принести глубокую благодарность Я. И. Смирнову за указаніе мнѣ трудовъ Лозиньскаго, упоминаемой ниже статьи въ журналѣ Tygodnik Ilustrowany и вообще литературы по этому вопросу.

никахъ, такъ и на документахъ, хранившихся въ Львовскомъ городскомъ и въ частныхъ архивахъ и собраніяхъ; обстоятельныя и точныя ссылки на источники придаютъ труду Лозинскаго большой интересъ. Въ этомъ трудѣ мы находимъ въ перечнѣ львовскихъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ много армянскихъ именъ; число этихъ именъ должно быть нѣсколько увеличено, такъ какъ Лозинскій, по незнакомству его съ армянскимъ языкомъ, могъ не признать въ нѣкоторыхъ мастерахъ армянъ. Въ сообщаемыхъ имъ значкахъ львовскихъ гражданъ¹⁾, въ томъ числѣ, повидимому, и мастеровъ, можетъ быть указано и среди неизвѣстныхъ по владѣльцамъ²⁾ Лозинскому значковъ нѣсколько армянскихъ лигатуръ, да и среди упоминаемыхъ въ книгѣ, не признанныхъ армянскими именъ, можно было бы указать таковыя³⁾.

Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что, располагая богатымъ матеріаломъ касательно мастеровъ поляковъ и вообще католиковъ, мы, какъ это подчеркиваетъ и Лозинскій, не имѣемъ свѣдѣній о значительной части мастеровъ-инородцевъ («націоналистовъ»), и «схизматиковъ», какъ русины и армяне, и нехристіанъ, евреевъ. Объясняется это препятствіями, долгое время, для армянъ вплоть до середины XVII вѣка, непреодолимыми, ко вступленію ихъ въ цехъ⁴⁾. Еще въ 1600 году это положеніе армянъ и русиновъ было закрѣплено цеховымъ статутомъ, дающимъ и любопытное обоснованіе этихъ ограниченій⁵⁾. До 1654 г. ни одинъ армянинъ не былъ принятъ въ этотъ цехъ; въ этомъ году особый королевскій указъ открылъ армянамъ доступъ въ цехъ, но въ ограниченномъ числѣ, не свыше четы-

1) Złotnictwo, стр. 164—165; W. Łoziński. Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI i XVII wieku, Львовъ, 1892, стр. 386—387.

2) Впрочемъ, см. Patrycyat, стр. 390.

3) Трудность опознанія армянской національности въ средѣ польскихъ ювелировъ, какъ и вообще колониальныхъ армянъ, объясняется тѣмъ, что ихъ имена не только подвергались частичнымъ внѣшнимъ измѣненіямъ (напр., принимали польскія окончанія, какъ Мойзесовичъ, Дадуровичъ, Сааковичъ), но и переводились на мѣстный языкъ (напр., Серебрековичъ, Богдановичъ); еще труднѣе признать армянъ въ лицахъ, просто перемѣнившихъ фамилію (какъ Стечко).

4) Wiedzieć nadto należy, że źródła wspomniane nie obejmują w tym samym stopniu złotników niekatolickiego lub niechrześcijańskiego wyznania, Rusinów, Ormian i żydów.... Ormian, bo także jako akatolicy do cechu należeć nie mogli, a spory ich w najznaczniejszej części rozstrzygały się przed ich własnym urzędem... (Złotnictwo, стр. 18).

5) Въ статутѣ говорится: «Iż wszystek rząd przy łasce i błogosławieństwie Bożem najspokojniejszy bywa, k'temu złotnicze rzemiosło potrzebuje ludzi dobrego sumienia, które w katolickiej wierze najlepiej zachowane być może, nie mają złotnicy lwowscy między sobą cierpieć ani przyjmować żadnego mistrza heretyka ani schizmatyka, tylko katoliki, oprócz jeśliby się który z schizmatyków, jako Rusin i Ormian, do unji kościoła rzymskiego powszechnego przywrócił». (Złotnictwo, стр. 36).

рехъ. Хотя согласно этому указу армяне не имѣли права избираться въ цеховые старшины, въ 1678 г. уже былъ случай избранія въ старшины армянина Киркора Латыновича¹⁾. Только въ 1685 г. Янъ Собѣскій, «wielki przujaściel Ormian», какъ его справедливо называетъ Лозинскій, декретомъ, даннымъ 6 іюня въ Варшавѣ, установилъ полное равноправіе армянъ съ поляками въ этомъ отношеніи, открылъ имъ свободный доступъ въ цехъ и призналъ за ними право избираться въ цеховые старшины²⁾. По словамъ Лозинскаго «Тогда наступилъ полный триумфъ армянъ..... De jure стали уравниены, de facto взяли верхъ»³⁾.

Дѣйствительно, говоря о возрожденіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ въ XVII в. Лозинскій пишетъ: «Знаменательной и очень интересной чертой этого неожиданнаго и внезапнаго расцвѣта уже вполне угасающаго искусства является фактъ, что мы имъ обязаны главнымъ образомъ армянамъ, что означаетъ, что исторія ювелирнаго дѣла въ Польшѣ, какъ она началась преобладаніемъ армянскихъ мастеровъ, такъ и закончилась имъ. Въ самомъ началѣ XV в. (1407—1419), слѣдовательно во время, съ котораго удастся прослѣдить начало этого искусства во Львовѣ, на 18 мастеровъ ювелирнаго искусства приходились 1 полякъ, 6 армянъ, остальные—нѣмцы. Въ самомъ концѣ XVII в. во Львовѣ работало около 30 армянъ ювелировъ, мастеровъ и подмастерьевъ, цифра, составляющая болѣе половины общаго числа, значеніемъ же въ искусствѣ и богатствомъ подымающая это соотношеніе до значительно высшей мѣры превосходства»⁴⁾.

Этимъ виднымъ участіемъ армянъ въ развитіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ Лозинскій желаетъ объяснить не одну стилистическую загадку и освѣтить вопросъ, почему такъ долго, такъ упорно, и до столь поздней поры, до середины XVIII в. проявляется такое сильное восточное вліяніе въ польскихъ ювелирныхъ произведеніяхъ, относившихся къ

1) Złotnictwo, стр. 138. Любопытно, что когда въ 1685 г. избранъ былъ цехмистромъ другой армянинъ, Норсесъ Мойзесовичъ, избраніе это было кассировано магистратомъ и на цехъ былъ наложенъ штрафъ (тамъ же, стр. 138—139).

2) Лозинскій (Złotnictwo, стр. 139—141) приводитъ крайне интересный для насъ текстъ декрета, содержащаго и объясненіе причинъ, вызвавшихъ дарованіе армянамъ этого равноправія: «Przeto uważając wspomnianą od lat kilkuset życzliwość, męstwo i odwagę w defensyi miast Kamieńca, Jazłowca i Lwowa i innych pogranicznych fortec oświadczoną ormiańskiej nacyi ludzi, uważając z nich pożytek miasta naszego Lwowa i tegoż miasta z konkurencyi i osiadania Ormian wielką ozdobę, a stąd zachęcenia i konserwacyi tejsze nacyi do osiadania w miastach naszych i Rzptej oczywistą potrzebę.....». Впрочемъ, и въ этомъ актѣ дается предположеніе армянамъ-латинцамъ (osobliwie *ritus romani*).

3) Złotnictwo, стр. 141. Для насъ крайне интересны послѣдующія страницы, подтверждающія, пожалуй, приведенныя слова.

4) Złotniswo, стр. 122.

нарядамъ, оружію, сбруѣ: его поддерживали и усиливали армяне, львовскіе ювелиры, и главнымъ образомъ львовцы, такъ какъ издавна изъ всѣхъ польскихъ городовъ Львовъ больше всего славился артистической и художественной оправой сабель, богатыми украшеніями сбруи, тонкимъ чеканомъ щитовъ, мисюрокъ, колчановъ и пороховницъ изъ золота и серебра¹⁾.

Во Львовѣ то и хотѣлось бы искать мастера, дѣлавшаго нашъ ковшъ. Если видѣть въ надписи на ручкѣ имя мастера Петра *Պետրոս Վարդապետ*, то быть можетъ слѣдуетъ отождествить этого Петра съ мастеромъ Петромъ, упоминаемымъ Лозинскимъ подъ 1520 г.²⁾ или съ извѣстнымъ ювелиромъ Петромъ Чечотовичемъ, упоминаемымъ подъ 1547 г. на основаніи львовскихъ городскихъ актовъ³⁾. Но если даже воздержаться отъ этого — не отрицаю — рискованнаго, отождествленія, трудно отказаться отъ присвоенія ковша львовскимъ ювелирамъ.

Несомнѣнно, болѣе или менѣе тщательные розыски должны привести къ обнаруженію еще не одного интереснаго произведенія львовскихъ серебряковъ-армянъ, хотя, вѣроятно, лишь самая незначительная часть ихъ подѣлокъ уцѣлѣла и сохранилась до нашего времени⁴⁾: еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка едва избѣгъ переплавки почти современный нашему ковшу прекрасный потиръ 1517 г., принадлежавшій Хенцинскому костелу, обмѣненный затѣмъ на новый потиръ и перешедшій въ коллекцію г. Т. Зѣлинскаго въ Кѣльцахъ⁵⁾; на потирѣ сохранилась армянская надпись въ двѣ строки, судя по изображенію ея отдаленно напоминающая формой буквъ надпись на ковшѣ Іоанна. Надпись гласитъ:

1) Тамъ же.

2) *Złotnictwo*, стр. 61.

3) *Złotnictwo*, стр. 62. Лозинскій не указываетъ, какой національности былъ этотъ Чечотовичъ. По фамиліи его можно признать армяниномъ: *չեչոտ* «чечот» значитъ по армянски *рыбой*, фамилія Чечотенць, которая у польскихъ армянъ должна была звучать Чечотовичъ, — встрѣчается въ армянской средѣ. Если нѣтъ другихъ данныхъ для опредѣленія національности этого Чечотовича, такое объясненіе его фамиліи представляется не менѣе пріемлемымъ, чѣмъ ея производство отъ польскаго слова *szeczotka* *чечотка*, *конопляка*.

4) Лозинскій останавливается (*Złotnictwo*, стр. 30) на причинахъ гибели и исчезновенія большей части произведеній польскихъ, въ частности — львовскихъ, ювелировъ.

5) Свѣдѣнія объ этомъ потирѣ, описаніе и недурное изображеніе его и штриховой рисунокъ надписи даны въ польскомъ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany*, t. I, 1859, стр. 301. Въ текстѣ даны переводъ и латинская транскрипція надписи прочитавшаго ее проф. Краковскаго Ягеллонскаго Университета В. Jürg'a: *dawithin wortwun andreasin jew dsnoghats thw 966 hi (=hadag)*. Свѣдѣнія о потирѣ имѣются также въ *Katalog'ie warszawskiej wystawy starożytności* (№ 549), а фотографія его — въ дополняющемъ этотъ каталогъ альбомѣ (*Album de l'exposition des objets d'art et d'antiquité à Varsovie par Charles Beyer*).

рехъ. Хотя согласно этому указу армяне не имѣли права избираться въ цеховые старшины, въ 1678 г. уже былъ случай избранія въ старшины армянина Киркора Латыновича¹⁾. Только въ 1685 г. Янъ Собѣскій, «wielki przujaściel Ormian», какъ его справедливо называетъ Лозинскій, декретомъ, даннымъ 6 іюня въ Варшавѣ, установилъ полное равноправіе армянъ съ поляками въ этомъ отношеніи, открылъ имъ свободный доступъ въ цехъ и призналъ за ними право избираться въ цеховые старшины²⁾. По словамъ Лозинскаго «Тогда наступилъ полный триумфъ армянъ..... De jure стали уравниены, de facto взяли верхъ»³⁾.

Дѣйствительно, говоря о возрожденіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ въ XVII в. Лозинскій пишетъ: «Знаменательной и очень интересной чертой этого неожиданнаго и внезапнаго расцвѣта уже вполне угасающаго искусства является фактъ, что мы имъ обязаны главнымъ образомъ армянамъ, что означаетъ, что исторія ювелирнаго дѣла въ Польшѣ, какъ она началась преобладаніемъ армянскихъ мастеровъ, такъ и закончилась имъ. Въ самомъ началѣ XV в. (1407—1419), слѣдовательно во время, съ котораго удастся прослѣдить начало этого искусства во Львовѣ, на 18 мастеровъ ювелирнаго искусства приходились 1 полякъ, 6 армянъ, остальные—нѣмцы. Въ самомъ концѣ XVII в. во Львовѣ работало около 30 армянъ ювелировъ, мастеровъ и подмастерьевъ, цифра, составляющая болѣе половины общаго числа, значеніемъ же въ искусствѣ и богатствомъ подымающая это соотношеніе до значительно высшей мѣры превосходства»⁴⁾.

Этимъ виднымъ участіемъ армянъ въ развитіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ Лозинскій желаетъ объяснить не одну стилистическую загадку и освѣтить вопросъ, почему такъ долго, такъ упорно, и до столь поздней поры, до середины XVIII в. проявляется такое сильное восточное вліяніе въ польскихъ ювелирныхъ произведеніяхъ, относившихся къ

1) Złotnictwo, стр. 138. Любопытно, что когда въ 1685 г. избранъ былъ цехмистромъ другой армянинъ, Норсесъ Мойзесовичъ, избраніе это было кассировано магистратомъ и на цехъ былъ наложенъ штрафъ (тамъ же, стр. 138—139).

2) Лозинскій (Złotnictwo, стр. 139—141) приводит крайне интересный для насъ текстъ декрета, содержащаго и объясненіе причинъ, вызвавшихъ дарованіе армянамъ этого равноправія: «Przeto uważając wspomnianą od lat kilkuset życzliwość, męstwo i odwagę w defensyi miast Kamieńca, Jazłowca i Lwowa i innych pogranicznych fortec oświadczoną ormiańskiej nacyi ludzi, uważając z nich pożytek miasta naszego Lwowa i tegoż miasta z konkurencyi i osiadania Ormian wielką ozdobę, a stąd zachęcenia i konserwacyi tejsze nacyi do osiadania w miastach naszych i Rzptej oczywistą potrzebę.....». Впрочемъ, и въ этомъ актѣ дается предположеніе армянамъ-латинцамъ (osobliwie *ritus romani*).

3) Złotnictwo, стр. 141. Для насъ крайне интересны послѣдующія страницы, подтверждающія, пожалуй, приведенныя слова.

4) Złotniswo, стр. 122.

нарядамъ, оружію, сбруѣ: его поддерживали и усиливали армяне, львовскіе ювелиры, и главнымъ образомъ львовцы, такъ какъ издавна изъ всѣхъ польскихъ городовъ Львовъ больше всего славился артистической и художественной оправой сабель, богатыми украшеніями сбруи, тонкимъ чеканомъ щитовъ, мисюрокъ, колчановъ и пороховницъ изъ золота и серебра¹⁾.

Во Львовѣ то и хотѣлось бы искать мастера, дѣлавшаго нашъ ковшъ. Если видѣть въ надписи на ручкѣ имя мастера Петра *Պետրոս Վարդապետ*, то быть можетъ слѣдуетъ отождествить этого Петра съ мастеромъ Петромъ, упоминаемымъ Лозинскимъ подъ 1520 г.²⁾ или съ извѣстнымъ ювелиромъ Петромъ Чечотовичемъ, упоминаемымъ подъ 1547 г. на основаніи львовскихъ городскихъ актовъ³⁾. Но если даже воздержаться отъ этого — не отрицаю — рискованнаго, отождествленія, трудно отказаться отъ присвоенія ковша львовскимъ ювелирамъ.

Несомнѣнно, болѣе или менѣе тщательные розыски должны привести къ обнаруженію еще не одного интереснаго произведенія львовскихъ серебряковъ-армянъ, хотя, вѣроятно, лишь самая незначительная часть ихъ подѣлокъ уцѣлѣла и сохранилась до нашего времени⁴⁾: еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка едва избѣгъ переплавки почти современный нашему ковшу прекрасный потиръ 1517 г., принадлежавшій Хенцинскому костелу, обмѣненный затѣмъ на новый потиръ и перешедшій въ коллекцію г. Т. Зѣлинскаго въ Кѣльцахъ⁵⁾; на потирѣ сохранилась армянская надпись въ двѣ строки, судя по изображенію ея отдаленно напоминающая формой буквъ надпись на ковшѣ Іоанна. Надпись гласитъ:

1) Тамъ же.

2) *Złotnictwo*, стр. 61.

3) *Złotnictwo*, стр. 62. Лозинскій не указываетъ, какой національности былъ этотъ Чечотовичъ. По фамиліи его можно признать армяниномъ: *չեչոտ* «чечот» значитъ по армянски *рыбой*, фамилія Чечотенць, которая у польскихъ армянъ должна была звучать Чечотовичъ, — встрѣчается въ армянской средѣ. Если нѣтъ другихъ данныхъ для опредѣленія національности этого Чечотовича, такое объясненіе его фамиліи представляется не менѣе пріемлемымъ, чѣмъ ея производство отъ польскаго слова *szeczotka* *чечотка*, *коноплянка*.

4) Лозинскій останавливается (*Złotnictwo*, стр. 30) на причинахъ гибели и исчезновенія большей части произведеній польскихъ, въ частности — львовскихъ, ювелировъ.

5) Свѣдѣнія объ этомъ потирѣ, описаніе и недурное изображеніе его и штриховой рисунокъ надписи даны въ польскомъ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany*, t. I, 1859, стр. 301. Въ текстѣ даны переводъ и латинская транскрипція надписи прочитавшаго ее проф. Краковскаго Ягеллонскаго Университета В. Jürg'a: *dawithin wortwun andreasin jew dsnoghats thw 966 hi (=hadag)*. Свѣдѣнія о потирѣ имѣются также въ *Katalog'ie warszawskiej wystawy starożytności* (№ 549), а фотографія его — въ дополняющемъ этотъ каталогъ альбомѣ (*Album de l'exposition des objets d'art et d'antiquité à Varsovie par Charles Beyer*).

◦ ԴԱԻԹԻՆՈԴՈՒՆ ◦ ԱՆՏՐԵԱՍԻՆ

◦ ԵԻԾՆՈԳԱՅ ◦ ԹՎ ◦ ԶԿԶ ◦ ՅԻՇ

ՅԻՇԱՏԱԿ ԴԱԻԹԻՆ ՈԴՈՒՆ ԱՆՏՐԵԱՍԻՆ ԵԻ ԾՆՈԳԱՅ: ԹՎ.ԻՆ,ԶԿԶ: *Память Давида, сына Андрея, и родителей. Лета 966.*

Исчерпывающее собраніе всѣхъ подобныхъ памятниковъ или хотя бы литературныхъ свѣдѣній о нихъ крайне желательно¹⁾.

Вопросъ этотъ для арменистовъ весьма важенъ. Ковшъ Іоанна снова выдвигаетъ вопросъ о необходимости возможно полнаго и всесторонняго изслѣдованія польскихъ, а въ связи съ ними и крымскихъ, армянъ. Армянская колонія въ Польшѣ, когда-то очень обширная, съ теченіемъ времени быстро исчезаетъ, нивелируясь съ культурно сильными сосѣдями; тщательно охраняя свою національность (избѣгая смѣшанныхъ браковъ) и религію (они долго и успѣшно выдерживали ожесточенную борьбу съ латинствомъ), польскіе армяне оказались не въ силахъ въ должной мѣрѣ сохранить родной языкъ. Уже въ 1889 г., когда Napusz работалъ въ Кутахъ, въ Галиціи, среди 1400 душъ армянъ было около только 500, знающихъ родной языкъ. Необходимо спѣшить съ изученіемъ исчезающаго нарѣчія. Изученіе польско-армянскаго нарѣчія выводитъ насъ далеко за предѣлы узко-лингвистическихъ интересовъ. Уже теперь знакомство съ нимъ и съ нарѣчіемъ крымскихъ армянъ даетъ основаніе для сомнѣній въ правильности установившагося представленія о польскихъ и крымскихъ армянахъ, какъ выселенцахъ изъ Ани. Этотъ вопросъ первостепенной важности для исторіи Армении послѣ потери самостоятельности въ коренной Армении; онъ долженъ быть разрѣшенъ конечно не на основаніи легендъ и легендарныхъ записей, а путемъ анализа археологическихъ памятниковъ Крыма и Галиціи, въ частности—тѣхъ восточныхъ вліяній, о которыхъ говоритъ Лозинскій, и

1) При этомъ не должны быть обойдены вниманіемъ даже и такія грубоватыя и позднія произведенія, какъ двѣ литыя бронзовыя иконы въ арм.-кат. костелѣ св. Николая (пока см. X. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, Старинныя армянскія надписи, ДВ, II, стр. 40—41). Особо долженъ быть поставленъ вопросъ о вещахъ, хотя и найденныхъ въ армянскихъ колоніяхъ, но не имѣющихъ съ ними внутренней связи, какъ, напр., превосходный образецъ армянскаго серебряныхъ дѣлъ мастерства—ковшикъ изъ морской раковины, входящій въ составъ Бердянскаго клада (ОИАК, 1894, стр. 42—43; АИАК, табл. 52; Восточное серебро, табл. LXXVII); надѣюсь скоро напечатать мою специальную замѣтку объ этомъ интересномъ предметѣ.

Нечего и говорить, что нужно спѣшить съ собираніемъ соответственныхъ произведеній коренной Армении, въ томъ числѣ и такихъ вещей, которыя, не будучи произведеніями ювелирнаго искусства, тѣмъ не менѣе имѣютъ съ ними тѣсную связь, какъ любопытныя оловяныя призматическія «бутылки» съ литыми изображеніями святыхъ воиновъ.

прежде всего, — изученіемъ соотвѣтственныхъ армянскихъ нарѣчій, наиболѣе надежнаго критерія въ этомъ вопросѣ.

Я уже не говорю о томъ, что разрѣшеніе этого вопроса о происхожденіи армянскихъ колоній въ Польшѣ и Крыму было бы очень важно для обсужденія пока еще гадательныхъ теорій о нѣкоторыхъ восточныхъ, въ частности армянскихъ, вліяніяхъ на русское искусство¹⁾.

II.

Въ самой тѣсной связи съ ковшомъ священника Іоанна слѣдуетъ разсматривать другой интересный ковшъ XVI в., знакомствомъ съ которымъ я обязанъ Я. И. Смирнову. Ковшъ этотъ, принадлежащій къ собранію Великаго Князя Алексѣя Александровича, хранится въ настоящее время въ Галлерей драгоцѣнностей Императорскаго Эрмитажа²⁾.

1) Для установленія даты появленія армянъ въ Галиціи и на югѣ Россіи необходимо прежде всего съ возможной полнотой использовать тѣ скудные данныя объ армянахъ, которыя находимъ въ русскихъ литературныхъ памятникахъ, какъ, напр., свѣдѣніе о врачѣ-армянинѣ, жившемъ вмѣстѣ съ другими армянами въ Кіевѣ при Владимірѣ Мономахѣ, лечившемъ самого князя и пытавшемся оказать врачебную помощь блаженному Агапиту (Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря, стр. 93—95).

Въ вопросѣ о времени перваго появленія и поселенія армянъ въ Крыму и Бессарабіи исключительное значеніе могли бы имѣть даты двухъ надписей, изданныхъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ (ДВ, т. II, вып. III, стр. 63 и 67), если бы обѣ эти даты не представлялись крайне сомнительными. Въ Аккерманской надписи дата (по К.-І.) выражена такъ: *Թ. ԿԺԳ* а въ Θεодосійской: *ԹՎ ՎԿԿԻ ԿԳԳ*. Въ обоихъ случаяхъ первая буква «даты» могла бы быть отнесена къ слову *ԹԻՎ*, *ԹՎ ՎԿԿԻ*. Дату Θεодосійской надписи слѣдуетъ, вѣроятно, читать не *ԹՎ ՎԿԿԻ ԿԳԳ*, а *ԹՎ ՎԿԿԻ ԿԳԳ*: буквы, *Ռ* и *Ղ*, легко смѣшались особенно въ позднихъ надписяхъ съ составными буквами (это прекрасно видно, напр., на упомянутой выше литой иконѣ 1653 г.). Получаемая такимъ образомъ дата Θεодосійской надписи 1557 г. (вм. 1047 г.) вполнѣ подходит и къ языку этой надписи, совершенно невѣроятному въ XI в. Къ сожалѣнію, во время кратковременнаго пребыванія въ Θεодосіи лѣтомъ 1915 г. я не вѣрилъ чтенія этой надписи. Дату Аккерманской надписи *Թ Կ Ժ Գ* трудно оправдать (если не предположить, что тутъ имѣемъ дату не по великой армянской эрѣ 551 г., а по какой либо другой), такъ какъ, не видя оригинала, не удастся подобрать букву, которую при списываніи надписи могли бы принять за *Թ*: близко подходящія по начертанію буквы *Ն* и *Կ* слишкомъ близки и по цифровому значенію (50 и 100), а *Շ* (500), *Չ* (700) и *Ջ* (900) существенно отличаются отъ *Թ*; возможно, что въ надписи, или ея копіи, хотя «дата не можетъ возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія», опущено *Ռ* (1000). — Предлагаемое, быть можетъ слишкомъ смѣлое, исправленіе чтенія датъ было бы недопустимо, если бы въ томъ же трудѣ г. Кучукъ-Іоаннесова не встрѣчались такіа неточности, какъ, напр., въ передачѣ упомянутой выше надписи 1532 г. въ ц. св. Сергія въ Θεодосіи, гдѣ въ 13 словахъ имѣемъ 5 погрѣшностей (указ. соч., стр. 68); впрочемъ, къ этой надписи я надѣюсь вернуться въ связи съ вопросомъ объ армянскихъ рѣзныхъ дверяхъ, находящихся въ Крыму.

2) Приношу глубокую благодарность бар. А. Е. Фелькерзаму за предоставленіе мнѣ для изданія фотографій этого ковша.

Ковшъ этотъ (табл. IV) представляетъ собою двойникъ ковша священника Иоанна и вполнѣ сходенъ съ нимъ какъ въ формѣ и размѣрахъ, такъ и въ отдѣлкѣ; отличается онъ лишь большей шириной верхней части ручки, ломанной линіей надъ каймой надписи, формой листьевъ на ручкѣ, а также обратнымъ направлениемъ изгиба ложекъ. Отличіе бляшки на днѣ ковша, какъ придатка, существеннаго значенія не имѣетъ. Однако же необходимо отмѣтить, что работа этого ковша болѣе грубая, чѣмъ ковша священника Иоанна; это особенно замѣтно на каймѣ съ надписью.

На ковшѣ имѣются двѣ греческія надписи, размѣщенныя точно такъ же, какъ на ковшѣ священника Иоанна, т. е. по краю ковша и на верхней сторонѣ его ручки.

Чтеніе надписи по краю ковша приходится начинать, какъ и на ковшѣ Иоанна, со стороны, противоположной ручкѣ. Листикъ въ началѣ второй строки печатаемаго ниже текста соотвѣтствуетъ листу на ручкѣ ковша. Последнія двѣ буквы не рельефны, а врезаны.

ΚΟΥΠΑΜΕΩΡΕΟΤΑΤΙΜΕΤΟΓΛΙΚΩΓΤΟΥΓΟΣΒΑΛΕΣΚΟΠΩΓΠΡΟ
 ΣΤΗΓ ΔΕΞΙΑΓΚΕΓΙΡΗΣΕΤΟΓΙΡΩΣΓΔΣΕΘΡΡΗΓΥ&ΧΩΓΤΕΣΒΑΖΩ
 ΓΤΑΣΗΝΣΤΟΧΕΡΙΩΣΠΗΓ&ΓΤΟΓΔΣΕ ΔΡ

Надпись эта съ исправленными орфографическими ошибками и съ разбивкой на стихи представляется мнѣ такъ:

κοῦπα με ὠραιότατη με τὸ γλυκὸν τὸ οἶνος
 βάλε σκοπὸν πρὸς τὴν δεξιάν καὶ γύρισε τὸ γῦρος
 νά σε θεωροῦν οἱ ἄρχοντες βάζοντας εἰς τὸ χέρι
 ὡς πίνουν το νά σε πιοῦν.

О моя прекраснѣйшая чаша со сладкимъ виномъ, брось взоръ вправо и обойди кругъ, чтобы тебя созерцали князья (т. е. гости), беря тебя въ руку, когда пьютъ его (т. е. вино), чтобы тебя испить.

На верхней сторонѣ ручки ковша (табл. III), помѣщена дата.

Η
 Ω
 ΗΛΡΥ
 ΕΤΑΠΘ
 ΔΦΠ
 <

Послѣднія четыре буквы, выражающія дату, во всякомъ случаѣ совершенно ясны: $\alpha\phi\pi\varsigma$, т. е. 1586 г. (по Р. X).

Къ доньшку ковша внутри (табл. III) плотно прикрѣплена круглая бляшка, которая тутъ имѣетъ менѣе неестественный видъ, чѣмъ на ковшѣ съ армянской надписью, не приклепана, а припаяна, и окружена подвижнымъ кольцомъ изъ серебрянаго жгута. На бляшкѣ на темносинемъ фонѣ весьма грубой эмали представленъ св. Георгій на конѣ, пронзающій копьемъ дракона, а влѣво отъ св. Георгія башенка и въ ней двѣ поясныхъ фигуры въ коронахъ. По сторонамъ головы святого помѣщена пояснительная греческая надпись

Ⓐ Γ ΓΙΩΓΙΟΣ св. *Георгій*.

Къ сожалѣнію, я далеко не въ силахъ использовать діалектологическій матеріаль, представляемый греческой надписью и нуждающійся въ спеціалистѣ по новогреческимъ нарѣчіямъ; но мнѣ кажется, что многочисленныя орфографическія и грамматическія погрѣшности могли бы дать основаніе для предположенія, что греческій языкъ не былъ роднымъ для мастера, изготовившаго ковшъ.

Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія вопроса о происхожденіи ковша съ греческой надписью представляется нелишнимъ значенія полное совпаденіе какъ во внѣшности этихъ ковшей и въ размѣщеніи надписей, такъ и въ техникѣ, да и въ датѣ: разница 37 лѣтъ, ковшъ Іоанна—1549 г., другой—1586 г.

І. Орбели.

Ковшъ съ армянской надписью 1549 г.

Ручка ковша сверху.

Ручка ковша снизу.

Ковшъ съ армянской надписью 1549 г.

1. Дно ковша съ армянской надписью 1549 г.

2. Ручка ковша съ г

3. Дно ковша съ грече

Ковшъ съ греческой надписью 1586 г.

1970 М.

-50

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Іюнь 1916 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.